

- ²⁸ Бгажноков Б. Х. Традиционное и новое в застольном этикете адыгских народов // Сов. этнография. 1987. № 2; *его же*. Организация пространства и этикет // Там же. 1983. № 4.
- ²⁹ Бердыев М. С. Трансформация традиционной системы питания туркмен в наши дни // Сов. этнография. 1985. № 1. С. 94—97.

© 1991 г.

Т. А. Листова

КУМОВЬЯ И КУМОВСТВО В РУССКОЙ ДЕРЕВНЕ

В советской этнографической науке, особенно в последние годы, большое внимание уделяется изучению бытового православия как социально-культурного и социально-исторического явления. Такое внимание можно объяснить не только потребностью расширить наши знания о традиционной культуре народа. Обращение к прошлому необходимо и для понимания многих явлений современности. Изучение культуры современного села свидетельствует о сохранении и в наши дни различных представлений и обычаев, порожденных религиозной сферой. Выявление особенностей их функционирования, соотношения с народным мировоззрением и всем укладом жизни второй половины XIX — первой четверти XX в. облегчит понимание причин и особенностей их бытования в наши дни.

Статья посвящена некоторым обычаям и воззрениям, связанным с главными персонажами обряда крещения — восприемниками, занимавшими особое место в обычаях и представлениях русского крестьянства. Такая роль восприемников определялась важностью церковного обряда крещения для русского крестьянства XIX — начала XX в., оказавшегося наиболее живучим религиозным обрядом нашего времени. Восприемники выполняли двоякую роль: религиозно-магическую (отрекаясь за окрещиваемого от дьявола, отдавали его под защиту христианских святых) и социальную (приобщали крестника к социальной общности, в данном случае к православной общине).

Исполнение обрядовых функций создавало новые взаимоотношения между восприемниками, их крестниками и родителями крестников. Эти отношения назывались церковью «духовное родство». По народной терминологии, которую и мы будем употреблять в дальнейшем, восприемники по отношению друг к другу и к родителям крестников становились «кумовьями». Отсюда и вошедший из народного обихода в литературу термин «кумовство». Понятие «кумовство» шире, чем сформулированное в каноническом праве «духовное родство», так как последнее подразумевает лишь брачные запреты лиц, находящихся в духовном родстве, а кумовство включает сверх того и целую систему взаимоотношений, охваченных этой связью лиц. Кумовство справедливо относят к «социально-религиозным институтам бытового православия»¹.

Кумовство, истоки кумовства, его генезис и принципы современного бытования относятся к одной из мало разработанных проблем советской этнографии. Этим вопросом в досоветский период занимались в основном историки церковного права². Они обращали внимание главным образом на выяснение времени появления восприемничества в христианстве и истории канонического права, касавшегося духовного родства и связанных с ним брачных запретов. Более конкретно эти вопросы рассматривались в руководствах для священнослужителей³.

В советской этнографии изучению кумовства посвящена очень интересная статья М. О. Косвена⁴. Он впервые обратил внимание на этнические различия восприемничества и поставил вопрос о месте кумовства в народных традициях.

М. О. Косвен не стремился охарактеризовать кумовство у того или иного народа в определенном исторический период. Его интересовал только генезис одного из персонажей — крестного отца. Для доказательства генетического родства дяди со стороны матери с крестным отцом он привлек обширные данные из этнографии славянских и неславянских народов XIX в. Однако с некоторыми положениями М. О. Косвена трудно согласиться.

Отдельные вопросы, связанные с кумовством в русской деревне, освещены в работах Л. А. Тульцевой и Г. А. Носовой⁵.

История возникновения кумовства и его своеобразия в России в целом до сих пор не получили должного освещения. Эти вопросы могут быть изучены, на наш взгляд, только на основе привлечения широкого достоверного фактического материала. Данная статья основана на разнообразных источниках. Главная источниковедческая база — сообщения корреспондентов Русского географического общества (Архив Географического общества — АГО), Общества любителей естествознания, археологии и этнографии и Этнографического бюро В. Н. Тенишева. Привлекались материалы корреспондентов по разделам программы «Крестьянский род», «Выходящие из ряда обстоятельства» и др. Особую ценность представляют ответы с мест на анкету В. Н. Тенишева, предназначенную для изучения обычаев русских крестьян на рубеже XIX и XX вв. и включавшую ряд вопросов, непосредственно относящихся к теме статьи. Материалы хранятся в Государственном музее этнографии (далее — ГМЭ. Ф. 7. Оп. 1). Интересные сведения были собраны автором во время экспедиций 1980—1987 гг. в Смоленскую, Псковскую, Вологодскую, Пермскую, Воронежскую и Белгородскую области (Архив Института этнографии АН СССР — АИЭ), характеризующие сельский быт 20—30-х годов XX в., когда восприимчивость как система взаимоотношений еще сохраняло свою значимость, главным образом в рамках семейно-родственных отношений, а также современное состояние обычаев, связанных с крещением.

Изучение массового материала приводит к выводу о единообразии основных обычаев и представлений русской деревни второй половины XIX — первой четверти XX в., связанных с обрядом крещения. Цель данной статьи — возможно более полно осветить различные аспекты кумовства как социально-религиозного института русской деревни, уделив особое внимание соотношению народного обычая и церковного законодательства.

Анализ разнообразных источников приводит к выводу о том, что на протяжении всей истории христианства на Руси сосуществовали, постоянно взаимодействуя, каноническое право, церковная практика и народный обычай. Активная пропаганда церковью учения о духовном родстве и связанных с ним брачных запретах, естественно, сказалась на народных представлениях. В свою очередь не оставалось неизменным и каноническое право. Историческое развитие института восприимчивости показывает стремление церкви приспособиться к существующим народным обычаям, гибкость политики церкви в решении правовых вопросов. Не все постановления церкви, касавшиеся духовного родства, оказывались жизнеспособными: одни органично вошли в народный быт и приняли силу обычая, влияя в свою очередь на каноническое право, другие вступали в противоречие с традиционными обычаями и потребностями реальной жизни и были отменены. У русских, как и у других народов, церковный обряд крещения за длительный период своего существования приобрел этническую специфику, чему в немалой степени способствовало отсутствие единообразия в каноническом праве самостоятельных христианских церквей. Кроме того, церковный обряд, несомненно, «наложился» на существовавшие до принятия христианства инициационные обряды и связанные с ними представления, трансформированные отголоски которых сохранялись в обыденном сознании крестьянства и в XIX в.

Обратимся к истории церковного законодательства и церковной практики. Судя по метрическим книгам и этнографическим сведениям, у русских, как пра-

вило, к одному окрещиваемому приглашали крестного и крестную. Как единодушно считают историки церковного права, представление о необходимости двух восприемников первоначально появилось в народной среде по аналогии с парой плотских родителей и затем повлияло на церковный обряд. Еще в документах XIV—XVI вв. указывается: «... егда же крещение творите, кум бы был один для мужьска полу, а у женьска полу кума едина, а по два кума не было»⁶. Записанное в XVII в. в Требнике и в 1-й печатной Кормчей книге положение о паре восприемников было временной уступкой народным воззрениям⁷, с чем православная церковь, в отличие от западной, не желала примириться. Рядом постановлений XIX в. Синод подтвердил необходимость лишь одного восприемника — одного пола с окрещиваемым. И все же церковь не могла игнорировать обычай и допускала компромиссные варианты оформления обряда: не признавая второго восприемника, она допускала его к крещению. В руководстве для священнослужителей указано, что «делается это оттого, что устранение священником другого восприемника может возбудить ропот»⁸.

С определением необходимого количества восприемников связан и вопрос о том, на кого распространялось духовное родство, а соответственно и запреты вступать в брак. Развитие церковного законодательства шло по пути расширения круга лиц, связанных духовным родством. В IV в. в Византии был запрещен брак между восприемником и воспринятой как между лицами, вступившими в духовное родство. Затем последовательно добавлялись запреты на брак между восприемником и вдовствующей матерью воспринятого, на брак сына восприемника с воспринятой и ее матерью. В XI—XII вв. в Византии духовное родство стало считаться препятствием к браку до седьмой ступени. Кроме того, не могли вступать в брак лица, воспринятые одними восприемниками, и их потомки, так как они считались духовными братьями и сестрами. На Руси развитие брачного права, шедшего тем же путем, привело к появлению в XVII в. статьи «О тайне супружества», в которой были сформулированы брачные запреты, аналогичные максимальному варианту византийского брачного права. Статья вошла в 1-ю печатную Кормчую книгу и должна была стать руководством по брачному праву. Но на практике многие положения статьи встретили «непреодолимые препятствия и затруднения»⁹. Судебные дела по расторжению браков не встречали одобрения государственной власти, были недовольны и помещики — владельцы небольших деревень¹⁰. Уже в XVIII в. и церковным и гражданским властям стало ясно: чтобы избежать нарушения правил, необходимо пойти на сокращение запретов. На это и были направлены указы Синода XVIII—XIX вв. Допуская, как было сказано, двух восприемников к купели, церковь тем не менее в XIX в. исключала одного из них (противоположного с крестником пола) из круга лиц, связанных духовным родством, и официально запрещала браки лишь между восприемником и матерью его крестника и восприемницей и отцом крестницы.

Народная же традиция намного расширяла круг лиц, на которых распространялось духовное родство. Прежде всего в отношениях духовного родства находились крестники, их родители и оба восприемника. Абсолютно не допускались браки между крестными родителями и крестниками¹¹ и между кумовьями. Отношения духовного родства и брачные запреты распространялись обычно и на второе поколение. По народным представлениям, родственниками — «подкрестовыми», «крестными» братьями и сестрами — становились крестники и дети крестных, а также крестники, имеющие общих крестных. Существовавшие брачные запреты обязательно учитывались при выборе молодежи в восприемники: «... если гуляешь с мальцом (парнем), то не можешь быть кумом и кумою, а то если покумятся, то и нельзя жениться»¹², «сразу смотрели, у кого крестить, чтобы потом накладки не вышло, так как дети кумовьев не женились»¹³. Особенно строгими были запреты среди старообрядцев. В православной среде народный обычай и церковная практика часто корректировали друг друга, для старообрядческого же быта было характерно строгое следование

принятым религиозным канонам, стремление сохранить церковные правила, существовавшие до реформы Никона. Чтобы не создавать препятствий к браку, иногда разрешалось одному лицу крестить лишь детей одного пола¹⁴.

Часто все перечисленные запреты в народе объяснялись церковными установлениями: «батюшка венчать не будет». Священники, видя заблуждения своих прихожан, нередко старались разъяснить им позицию церкви в брачном праве. Так, например, корреспондент из Череповецкого уезда рассказывает, что местный священник, видя, что молодая пара любит друг друга, но не решается вступить в брак, так как у них общая «боженька», позвал парня и объяснил ему, что в данном случае «нет никакого греха, нет нарушения ни закона гражданского, ни закона церковного». Но парень все-таки не согласился жениться, сказав: «Нет, батюшка, совесть „зазрит“ — запрещает»¹⁵. Определяющую роль народного обычая в соблюдении брачных запретов отмечали корреспонденты из разных губерний России, подчеркивая, что «церковь тут церковью, а обычай обычаем, бок-о-бок следит он за этим и безусловно воспрещает подобные браки»¹⁶. Препятствием к таким бракам была и глубокая убежденность в том, что из-за своей греховности брак не будет счастливым и, что особенно опасно, «грех» родителей перейдет на детей, негативно влияя на их судьбу и здоровье.

Очевидное расхождение «народной совести и церковного закона» в определенной сфере действия духовного родства ставило часто в тупик сельских священников, тем более что большинство их выросло в тех же традициях, что и их прихожане, и не всегда понимали смысл поступающих сверху указов. Возникавшие затруднения заставляли их обращаться в вышестоящие инстанции за разъяснениями. В этом отношении интересны ответы на вопросы священников, опубликованные в «Памятной книжке для духовенства» в 1896 г. Авторы книги не ограничились цитированием постановлений, а для большей ясности перечислили категории лиц, между которыми браки возможны. Видимо, именно в отношении этих лиц и возникали неясности в определении брачных запретов. Браки возможны: а) между женихом и невестой, имеющими одних и тех же восприемников; б) между восприемником и восприемницей; в) между крестным отцом и его крестной дочерью; г) между детьми восприемников и самим восприятым или, что то же самое, между крестными братьями и сестрами¹⁷. Это именно те категории лиц, браки между которыми народная традиция не допускала.

Отношения духовного родства в народной традиции исключали не только взаимные браки, но и внебрачные отношения. Многочисленные источники, в том числе и ответы на специальные вопросы анкеты В. Н. Тенишева, дают ясную картину народных воззрений¹⁸. По единодушному мнению очевидцев, отношения между лицами, связанными кумовством, приравнивались к родственным: «Между ними более даже родства, чем между двоюродным братом и сестрою»¹⁹. Как следствие этого половые связи между ними рассматривались как кровосмешение. Корреспондент из Рязанской губернии сообщает, что «кровосмешение признается и величайшим грехом, и преступлением. Вступить в брак или в половую связь нельзя не только с родственниками, но и с крестовыми сестрами и кумами»²⁰. Из Санкт-Петербургской губернии сообщали, что «кум с кумою как брат с сестрою. А если случится между ними грех, то ради срама и исправления бабы обливают их водой из колодца»²¹. Исключительность случаев половых связей между кумовьями подтверждает и сообщение из Пензенской губернии. Автор отмечает, что, по представлениям крестьян, «кровосмешение есть великий грех. Явление это настолько необычно, что при обнаружении одного случая сближения кума с кумой крестьяне положительно встали в тупик и многие объясняли, что приходит конец миру. И про совершивших говорили, что они продали душу дьяволу и с ними опасно встречаться»²².

В связи с характеристикой взаимоотношений между кумовьями нам придется обратиться к упомянутой уже статье М. О. Косвена, поскольку автор в доказа-

тельстве своей концепции происхождения крестных родителей от материнского дяди и его жены исходит из естественности половых связей между восприемниками в XIX в. Он пишет: «По народным представлениям и в архаической народной практике славянских народов между крестным отцом и крестной матерью одного крестника не только допустимы, но и дозволены, как бы сами собою разумеются свободные отношения и половая связь»²³. Это утверждение требует, как нам кажется, большей аргументированности. Прежде всего, не совсем ясно, к какому времени относится «архаическая практика», поскольку в той же статье М. О. Косвен вслед за историками церковного права утверждает, что и в православии, и в католичестве «существовал и требовался один восприемник, и притом мужчина. Крестной матери не существовало. Лишь позже вошли в обычай два восприемника: мужчина и женщина»²⁴. Возможно, интимные отношения между восприемниками и бывали, как и любые случаи прелюбодеяния, но навряд ли в какой-то период существования христианства они были общеприняты, во всяком случае, в письменных источниках христианской церкви, всегда уделявших большое внимание осуждению «греховных» народных обычаев, свидетельств этому мы не находим. Свою концепцию М. О. Косвен строит на этнографических материалах XIX в., которые, по его мнению, свидетельствуют о существовании в это время у крестьян представления о дозволенности половых связей между восприемниками и соответствующей практики. Есть смысл привести полностью цитату из работы И. П. Сахарова, которая повествует об особенностях кумовства у русских и конкретно о взаимоотношениях между кумовьями, поскольку М. О. Косвен приводит лишь асть ее, что искажает смысл характеристики автора. «В Русской жизни,— читаем у И. П. Сахарова,— кумовство столь бывает почитительно, что без кума и кумы не существует семейного веселья. Настал Прощеный день. Кум является к куме с мылом. *Куму можно поцеловать куму при всей деревне*, и все это считается: почетом, дружбою, приветом»²⁵. Вряд ли подобные категории взаимоотношений подразумевают интимные связи. Не убеждает и фольклорный сюжет, взятый М. О. Косвеном у Н. Ф. Сумцова. Напомним его: восприемники, возвращаясь после крещения, вступают в половые отношения и сразу же в наказание за содеянное проваливаются сквозь землю, а на этом месте образуется водоем, получивший название «кумово озеро»²⁶. Этот сюжет, встречающийся и у русских²⁷, можно рассматривать скорее как выраженное в фольклорной форме убеждение народа в греховности подобных связей и предостережение от совершения «греха».

Нужно отметить, что, вопреки утверждению М. О. Косвена, народные воззрения иногда выделяли прелюбодеяние между восприемниками как наиболее греховное из всех видов кровосмешения. Корреспондент из Ярославской губернии сообщал: «Самыми тяжкими грешниками из кровосмесителей крестьяне считают кума с кумой, сына с матерью, брата с сестрой, по этому поводу говорят: „сделай грех с матерью, сестрой и кумой и будешь богат“, то есть совершить прелюбодеяние с этими родственниками — это значит продать душу дьяволу. Из этих трех грехов они признают за самый тяжкий грех плотские сношения кума с кумой, „ведь кум с кумой,— рассуждают крестьяне,— стояли у общей купели перед Богом, поручались за младенца и отрекались за него от сатаны, а заместо того они и сами идут в лапы сатаны и младенца туда тащат; прямое дело, что такой грех непрощеный, потому как оскверняет невинного младенца“». Комментируя отношения крестьян к возможности интимной связи между кумовьями, автор указанной корреспонденции приводит быличку, которая повествует о том, что один человек «согрешил» с матерью, сестрой и кумой и обратился к отшельнику, желая узнать, простятся ли ему эти грехи. Отшельник, обратившись к свяшенным книгам и получив знамение свыше, объяснил ему, что «грех с его матерью и сестрою простили ему, но грех с кумою не простится ему ни в сей век, ни в будущем»²⁸. Таким образом, очевидно, что в основе народной мотивации особой греховности прелюбодеяния между восприемниками лежит идея об их нравственной ответственности, убежденность в том, что грехи восприемников

переходят и на их крестников. Любое прелюбодеяние, по народным воззрениям, грех. Прелюбодеяние же между крестными родителями, отношения между которыми были освящены церковным обрядом («под крестом стояли», «у купели стояли») и в отличие от супружеских строились на иной, религиозно-нравственной основе, исключаящей интимную близость, по понятиям народа, были особо греховными.

В логическом построении М. О. Косвена остается неясным еще один момент доказательства. Если народное сознание, «действуя в виде своего рода инстинкта», вполне допускает, по мнению М. О. Косвена, половую близость между восприемниками, так как они архаически муж и жена²⁹, то почему то же сознание не допускает браков между этими лицами, а равно и приглашение в восприемники супружеской пары, о чем пишет и сам М. О. Косвен?³⁰

С целью показать действие нравственных норм в быту корреспонденты приводили примеры из семейной жизни крестьян. Так, например, корреспондент из Смоленской губернии отметил, что «муж и жена, замечая друг за другом какие-либо безнравственные поступки к какой-либо соседке или соседу, обязательно требуют, чтобы восприемником или восприемницей над их новорожденным были их противники. И тогда обиженная сторона уже совершенно успокоится, так как, по их мнению, вести совместную жизнь с кумом или кумой — это непростительный грех, как жить отцу с дочерью или свекру со своими невестками»³¹. Часто подчеркивается, что отношения кумовства как препятствие к внебрачным отношениям крестьяне ставят выше отношений свойства. Например, корреспондент из Мещовского уезда Калужской губернии приводит в пример одну семью, в которой вместе жили четыре брата, двое из них женаты. «Чтобы исключить возможность „баловства“ между неженатыми братьями и их невестками, — пишет корреспондент, — придумали покумиться, то есть заставили покрестить при первом удобном случае, тогда уж баловаться нельзя, потому что кума»³².

Кумовство как система взаимоотношений включало определенные нормы поведения в быту, чему источники уделяют обычно большое внимание. В них подчеркивалось, что «в отношениях лиц, вступивших в духовное родство, замечается большая сдержанность и уважение»³³. Кума и кум, «имея одного крестника, становятся близкой родней, кума при нем не будет петь неприличных песен и т. д.»³⁴. Если кума «как косит в рубашке, увидит крестного, то и ноги скорее закрывает, чтобы не видал»³⁵, кума «считает неприличным, если хата у нее не будет выметена, когда придет ее кум, и если волосы будут растрепаны и одежда не в порядке»³⁶. В свою очередь, и кум «избегает при куме дурных разговоров и старается вести себя прилично»³⁷. Он «никогда не скажет скверного слова при куме, хотя присутствие сестер, даже матери редко сдерживают его в этом отношении. Кума не вступает в разговор с кем-либо, если при этом находится кум. Если же кума — девушка, то она избегает даже встречи с кумом. Когда же в разговоре иногда раздастся какая-нибудь нескромность, то среди общего хохота кум неловко молчит, даже отвернется, а кума краснеет и непременно уходит»³⁸. Из Курской губернии сообщали, что «ни одна женщина не опростоволосится в присутствии кума, а во время полевых работ, когда все женщины при мужчинах работают в одних сорочках, всякая из них, завидев своего кума еще издали, спешит надеть сарафан, многие женщины даже боятся показаться босыми перед кумовьями»³⁹. Из Орловской губернии: «Если при народе кто-либо начинает шутить и говорить сальности, то кума уходит или старается разными знаками остановить шутника и показывает, что-де мой кум тут»⁴⁰.

Как обязательный элемент отношения кумовства включали взаимопомощь. «Если нужно занять хлеб, — пишет корреспондент из Череповецкого уезда, — скорее всего обратись к куму, и он не откажет»⁴¹. В источниках постоянно подчеркивается, что восприемники и родители крестника «становятся более близкими, как бы друзьями, охотнее выручают из беды»⁴² «покумившись, помогают один другому в работе и деньгами»⁴³.

По обычаю кумовья посещали друг друга в большие праздники: Масленицу, престолы, иногда существовали локально распространенные дни посещения кумовьев⁴⁴. Но наиболее распространена была у русских традиция гостевания кумовьев на Пасху. В этот день крестные родители обязательно одаривали своих крестников крашеными яичками. Более торжественно отмечалась первая Пасха после рождения ребенка. Например, в Бельском уезде Смоленской губернии мать крестника шла к куму и одаривала его яйцами. Взамен он давал ей 20 копеек или три фунта баранок и угощал красным вином. Затем «родиха несла яйца куме, а от нее получала в подарок ситцу или материю на рубашку крестнику»⁴⁵.

Отношения духовного родства проявлялись в основном в обрядовой жизни крестьянской семьи. Крестные были обязательными участниками всех празднеств в доме своих крестников. «Боже сохрани,— пишут очевидцы,— если кто отправит какой-нибудь семейный праздник, не пригласив кумовьев, это уже толчок к разрыву, да и соседи смотрят на таких недружелюбно»⁴⁶. Особая роль отводилась крестным на свадьбе их крестников. Независимо от традиций свадебного обряда они, как единодушно отмечалось, наиболее почетные участники. До некоторой степени это учитывалось еще при выборе крестных. Отмечалось, что в крестные охотно «идут молодые, так как в молодые сравнительно годы будут женить своих крестников, а что стоит побыть на свадьбе крестным отцом или крестной матерью — первые лица, почет и уважение ото всех и первое место»⁴⁷. О том, что в крестные выбирали молодых, «чтобы на свадьбе сумел погулять», «чтобы на свадьбе не старый был», сообщали и наши информаторы⁴⁸. На русской свадьбе крестные благославляли жениха и невесту вслед за родителями и выполняли роль посаженных отца и матери. Обрядовые функции крестных на свадьбе определялись местной традицией, например на севернорусской свадьбе крестный отец — тысяцкий. Крестные выступали и как самостоятельные свадебные чины с закрепленными за ними функциями⁴⁹. Интересный материал о роли крестных на свадьбе в Псковской области собран во время наших полевых исследований и дополнен сведениями из картотеки Псковского областного словаря. В центральных уездах губернии лиц, державших венцы над молодыми в церкви, называли «венчальные батька и матка». В их роли, согласно традиции, должны были выступать крестные родители: «матушка крестная у невесты венки над головой держит, а батюшка у жениха, и зовут их батюшка и матушка венчальные»⁵⁰. Обычай не могла нарушить даже ссора между крестными и крестниками или их родителями: и в этом случае крестный, в силу обычая, мог прийти в церковь и держать венец⁵¹. Нарушение традиций по вине родителей осуждалось общественным мнением. Так, корреспондент из Новгородской губернии, наблюдавший свадьбу в богатом доме, отмечает, что хозяевам пришлось позвать крестного в тысяцкие, хотя он был беден и «к тому же любивший выпить». Им было «неловко и конфузно за него», но поступить иначе они не могли, так как этого «обычай требует, за это хозяев осудили бы»⁵². Неисполнение крестными своих функций, замена их были возможны лишь в случае смерти, отсутствия или нежелания выполнять эту роль.

Функции крестных при венчании иногда переходили по наследству: «Который крестил, тот и венчает, а, бывает, помер, так сын его, пример венцами ездит. У моего батьки много крестников, он помер, я много ездил венчать»⁵³. О том же нам сообщили и в Вологодской области: по воспоминаниям одной из пожилых женщин, крестный ее жениха, умирая, сказал своему сыну: «Теперь ты будешь за крестного», и тот выполнял на свадьбах крестников отца все обязанности крестного⁵⁴.

По народным воззрениям, между покумившимися семьями не должно было быть ссор, которые рассматривались как «великий грех». Детей в крестьянских семьях воспитывали в духе особого уважения к крестным родителям. В народе, как часто отмечали, признают трех матерей: родную, крестную и мать — сыру землю. Типичны такие высказывания: «крестная мать — вторая мать, в право-

славную веру ввела, а матка только родила»⁵⁵, «мать крестную и мать, которая родила, надо почитать одинаково»⁵⁶. По глубокому убеждению крестьян, «грех непростительный обидеть крестных. Бог счастья не даст»⁵⁷. Поэтому родители крестников в случае каких-либо недоразумений «всегда во время ссор уступают». Воспитанные в таких традициях крестники считали необходимым оказывать помощь своим крестным. Как вспоминают: «... многие и сами подлаживались в крестные, так как они (крестники) тебе что хочешь сделают»⁵⁸. Одна из жительниц Стругокраснинского района вспоминала, что она до недавнего времени ходила к своей крестной «и копать, и сажать картошку, и белье полоскать — не откажешь ведь»⁵⁹.

Отказ от просьбы «ввести в крещеную веру» считали грехом. Это отмечалось источниками практически на всей территории расселения русских. Обычно представление это не мотивировалось как-то конкретно, хотя иногда с ним связывались местные суеверия о вполне реальном возмездии. Например, считалось, что отказавшимся «на том свете крестить щенят придется»⁶⁰. Отказ был возможен лишь в определенных случаях, о чем речь пойдет ниже. Приглашение в кумовья считали знаком уважения: «В крестные стремились, хорошее звание, значит, уважают»⁶¹.

Выбору восприемников в крестьянских семьях придавалось большое значение. Выбирали их, как правило, родители ребенка в соответствии с собственным желанием и местными традициями. Разнообразные источники, в том числе и данные полевых исследований, свидетельствуют о том, что чаще восприемников или хотя бы одного из них приглашали из числа родственников, особенно при крещении первых детей, причем никаких предпочтений родне со стороны матери или отца не прослеживается. Существовали и местные традиции: например, в Галичском уезде Костромской губернии, как сообщает корреспондент ИРГО, у первого ребенка крестными обязательно были дед по отцу и бабушка по матери, если это был мальчик, и бабушка по отцу и дедушка по матери у девочки⁶². Среди разнообразных причин, определяющих выбор родственников, наиболее важны две. Первая — стремление избежать сужения круга брачных связей, совместив духовное родство с кровным. Поэтому, например, у старообрядцев Западного Причудья неженатых молодых людей приглашали в крестные только из числа родственников⁶³. Вторая — доверить восприемничество наиболее близким людям. Совпадение духовного родства с кровным служило более надежной гарантией заботы о крестниках в будущем. В источниках подчеркивается, что в «крестные отцы берут ближайшего родственника — родного брата, деда, деверя — так же, как и крестную мать, оттого что крестные отец и мать имеют значение на случай смерти родителей»⁶⁴.

Большое значение при выборе восприемников имели чувства личной симпатии, дружеские связи: «В восприемники зовут таких людей, с которыми ссор и распрей никаких не выходит, то есть таких, с которыми более или менее дружат»⁶⁵.

Типичны такие высказывания информаторов: «кумовьев было принято приглашать из близких родных или хороших знакомых»⁶⁶, «по большей части кумом и кумой являются ближайшие родственники, но не исключаются случаи приглашения кума и кумы со стороны»⁶⁷ и т. д.

В силу недостаточности данных трудно говорить о существовании у русских общераспространенной традиции выбора крестных для детей одной семьи. Иногда исследователи выделяют доминирующую для определенного региона традицию. Так, на Рязанщине, по заключению Л. А. Тульцевой⁶⁸, практиковалось приглашение одних и тех же восприемников. Однако иногда в пределах одной губернии бытовали противоположные традиции: так, в Краснинском уезде Смоленской губернии «восприемников по возможности стараются не переминять, только в том случае зовут другое лицо, если восприемник прежних детей куда-либо уехал»⁶⁹. В Рославльском же уезде той же губернии считали необходимым к каждому ребенку приглашать новых кумовьев, «иначе ребенок

умрет»⁷⁰. Но чаще, как показывают и архивные материалы, и наши записи, каких-либо жестких норм в этом случае не существовало. Несменяемость восприемников бывала и вынужденной, например у групп, живущих в ином национальном или конфессиональном окружении. Так, в с. Чихачево Порховского р-на Псковской обл. и в соседних деревнях православные жили отдельными семьями в окружении старообрядцев, что ограничивало возможность выбора и заставляло приглашать одних и тех же лиц, хотя при возможности предпочли бы, наверное, приглашать разных⁷¹.

Согласно церковному праву второй половины XIX — первой четверти XX в., восприемниками ребенка не могли быть лишь его родители. Народная же традиция распространяла этот запрет и на другие категории лиц. По обычаю в крестные не приглашали мужа и жену, поскольку, по представлениям верующих, супружеские отношения не совмещались с отношениями духовного родства. Этот обычай находил поддержку и среди священников. Так, в церковной литературе отмечалось, что «в настоящее время священники обычно затрудняются допускать мужа и жену к совместному восприемничеству одного и того же крещаемого»⁷². Избегали приглашать в восприемники лиц, состоящих между собой в близком родстве. Обращая внимание на это ограничение, официальная церковь разъясняла, что быть восприемниками родным брату и сестре, а равно отцу с дочерью и матери с сыном запрещений нет»⁷³.

Из числа возможных восприемниц исключались женщины в период месячных очищений. И по народным, и по церковным представлениям, женщина в такие дни считалась нечистой и не должна была участвовать ни в каких религиозных обрядах. При совершении же обряда крещения верили, что «грязь с крестной обязательно перейдет на ребенка»⁷⁴. Некоторые болезни народное суеверие связывало с нечистотой крестной. Если ребенок сопливый или у него болячки⁷⁵, если у девочки неправильно приходят месячные очищения⁷⁶, виноватой считали крестную («с месячными была»).

Иным было отношение церкви к широко распространенному обычаю не допускать к восприемничеству беременных женщин. Суеверные представления объясняли этот запрет возможной порчей одного из детей (окрещиваемого или ожидаемого) во время обряда крещения. В церковной литературе с возмущением отмечалось, что крестьяне, намереваясь пригласить в крестные желаемое лицо и не подвергать детей «опасности», позволяли беременной восприемнице находиться в церкви, но все необходимые действия с ребенком производила ее заместительница. Это искажало суть церковного обряда. Поэтому священникам указывалось, что «столь непозволительные» обычаи, а равно и породившее их суеверное отношение к беременным должны быть «искореняемы пастырем»⁷⁷. Распространено было и представление о невозможности взаимного кумовства. Происхождение этого обычая не совсем ясно. Возможно, так трансформировалось в народном сознании церковное учение о разветвленном духовном родстве, зафиксированное в памятниках XVII в. Запрет взаимного восприемничества объясняли по-разному. Одни считали, что воспринявшие друг у друга детей «вроде расхристались, вроде и не кумы теперь»⁷⁸, другие — что «дети расти не будут»⁷⁹. Распространено было мнение, что запрет взаимного восприемничества основан на церковных правилах. Часто сами священники в силу недостаточных знаний канонического права поддерживали это убеждение. Одна из женщин вспоминала: «Мама у тетки крестила, а тетка у матери, а потом батюшка понял и сказал, что они открещивают, так нельзя»⁸⁰. По-видимому, представление, о котором идет речь, было распространено довольно широко, так как руководство для священнослужителей обращает на него особое внимание. Священникам указывалось, что «церковные правила не запрещают родителям разных семейств воспринимать детей от купели друг у друга»⁸¹.

Церковное учение о крестных как вторых родителях, развившись в народной среде, привело к появлению ряда суеверных представлений о воздействии на крестника или же прямом наследовании им тех или иных качеств крестных

родителей. Охотно звали тех, кто «побогаче, умнее, красивее», людей же с «какими-нибудь физическими недостатками, „недовольных умом“, с нравственными недостатками в крестные приглашать избегают»⁸².

С представлениями о возможности повлиять на судьбу ребенка, выбрав определенного крестного (крестную), связаны и некоторые обычаи выбора кумовьев в тех семьях, где дети часто умирали («не стоят дети»). Большое значение придавалось имени крестного. Так, в Юхновском уезде кумом или кумой выбирали крестьян с именами тех святых, «которые бывают в день крестин новорожденного»⁸³. В Воронежской губернии в подобных случаях «кумом выбирают неженатого тезку отца, а кумой — девицу, тезку матери»⁸⁴, в Нижегородской губернии кумом избирали человека, «одноименного с родителями новорожденного»⁸⁵. В этих обычаях сказывается и древняя вера в магическую силу имени, и трансформировавшееся учение о защите окрещенного человека ангелом, именем которого он назван. Взгляд на кумовьев как на лиц, через которых осуществлялось приобщение ребенка к Богу, привел к распространению обычая в случае неоднократной смерти детей в семье приглашать в восприемники первых встретившихся (независимо от их возраста и отношения к семье) или нищих⁸⁶. Для этого отец ребенка выходил на улицу или же специально шел на перекресток. Отмечалось, что таким кумовьям «оказывается особенное внимание и уважение, потому что народ почитает их „Божьими кумами“, то есть посланными от Бога для приведения к нему младенца, который поэтому находится под особенным покровительством Божиим»⁸⁷. Поверие это очень устойчиво. До сих пор пожилые люди приводят примеры, когда отчаявшиеся родители поступали указанным способом и живым оставался не только тот ребенок, которого окрестили подобным образом, но и все последующие⁸⁸.

При выборе крестных обращали внимание на то, живы ли предыдущие крестники⁸⁹, а также их собственные дети. Особенно желанные кандидатуры для восприемников — многодетные родители (верили, что это влияло на жизнеспособность окрещиваемого)⁹⁰.

Часто выбор восприемников определялся одновременно несколькими причинами, связанными как с суевериями, так и с практическими соображениями. Зажиточность будущих кумовьев позволяла не только рассчитывать на их помощь в будущем. По законам продуцирующей магии она, как верили, «служила ручательством, что ребенок безбедно проживет на земле»⁹¹.

Согласно церковным правилам, восприемниками могли быть лица, достигшие гражданского или хотя бы церковного совершеннолетия, т. е. 15 лет для мужчины и 13 лет для женщины⁹², но иногда брали детей младше указанных лет — «лишь бы мог держать ребенка». На практике возраст крестных колебался обычно от 20 до 40 лет. Молодость, как и зажиточность, по представлениям крестьян, должна была положительно сказаться на будущем ребенке — «их молодые силы и здоровье должны перейти к их крестнику или крестнице»⁹³.

Большое значение при выборе имела репутация человека в среде однодеревенцев, оказываемое ему уважение. Как вспоминал один из наших информаторов, у его отца (начало XX в.) было 43 крестника, так как он «умный был, не пил, вот и звали»⁹⁴.

В данной статье мы не имеем возможности охарактеризовать ритуальную роль кумовьев в многочисленных крестильных обрядах. Остановимся лишь на обычаях, связанных непосредственно с крещением. По распространенной у русских традиции восприемник приносил крест для ребенка и платил за совершение обряда; восприемница готовила пеленку, на которую клали ребенка после купели, и рубашку (у староверов, как правило, пояс). Кроме того, кум или оба восприемника давали небольшое количество денег ребенку «на зубок», «на мыло». Церковная литература, с одобрением упоминая этот обычай, отмечала, что в начале XX в. «крестные отец и мать и платят, и дарят, но это уже делается по заведенному обычаю, иногда и без тягости, особенно для бедных»⁹⁵. В 20—30-е годы XX в., судя по нашим материалам, деньги на оплату обряда

часто давали куму родители окрещиваемого. Обычай же одаривания ребенка оставался обязательным и в эти годы.

Рассмотрим, наконец, какую роль играли крестные в жизни крестников, а также существующие на этот счет крестьянские воззрения. Комплекс требований, предъявляемых к восприемникам, определялся социально-религиозной значимостью обряда крещения в крестьянской среде. Крестные родители вводили в веру и становились с этого момента как бы посредниками между крестниками и миром святых. Поэтому именно их молитвы считались особенно действенными для сакральной защиты православного человека, требующей обращения к христианским святым: «Молитвы родителей (крестных.— Т. Л.) поднимают со дна моря. При утопании просить так: „Крестный батюшка, помолись за меня“, — и немедленно будешь спасен»⁹⁶. Религиозно-магическая защита со стороны крестных считалась часто даже более действенной, чем родительская. «В народе говорят, что крестная может отмолить грех, а родная не может, крестная сильнее, так как она вводит в веру, благославляет добрым здоровьем»⁹⁷. Корреспондент бюро Тенишева сообщал, что «в разных крестьянских рассказах о заклинании ребенка крестная мать имеет большее значение на ребенка, чем родная»⁹⁸.

Не меньшую роль в формировании крестьянских воззрений играла основанная на церковном учении о восприемниках как духовных родителей вера в их ответственность за формирование религиозно-нравственного облика крестников. В народе считали, что «на восприемниках, если их сын или дочь крестные выйдут людьми нехорошими, Бог взыщет»⁹⁹, «крестные — вторые родители, они на втором пришествии будут за крестника отвечать»¹⁰⁰. На крестных смотрели как на духовных наставников, помощников в воспитании детей. Им полагалось следить за религиозным просвещением, учить молитвам и грамоте. Общественное мнение признавало их право непосредственно вмешиваться в воспитание крестников, применять воспитательные меры. Корреспонденты сообщали, что «крестные отец и мать, заметя неблаговидный поступок крестника, оттакают его за вихры, и родители претендовать не будут»¹⁰¹, «крестный отец имеет право наказывать воспринятого крестника, и никто такому наказанию противиться не может»¹⁰². Кроме религиозно-нравственного воспитания крестные часто брали на себя очень важную в крестьянской жизни заботу о практическом обучении крестников-сирот необходимым работам — косить, «ходить» за скотом, обрабатывать землю. Есть свидетельства, что крестные помогали своим крестникам экономически, брали крестников-сирот к себе в дом, в случае бездетности усыновляли их «предпочтительнее перед другими»¹⁰³. Бывало, что крестники по завещанию крестных включались в число наследников, а в случае отсутствия детей или ближайших кровных родственников назначались единственными наследниками¹⁰⁴. Безусловно, крестным трудно было уделять достаточно внимания своим крестникам в условиях предельно загруженной крестьянской жизни, и именно поэтому иногда считали что «крестить много нехорошо»¹⁰⁵.

Хочется отметить, что утверждение М. О. Косвена о том, что роль крестной матери «сравнительно невелика»¹⁰⁶, противоречит данным XIX—XX вв. Крестная мать, пожалуй, в большей степени, нежели крестный отец, отвечала за нравственную чистоту крестников. Это подтверждает обычай всенародно позорить крестную (наряду с кровными родителями или же только ее одну) в случае нецеломудрия невесты¹⁰⁷. Если девушка была «честной», то почести доставались и крестной, ее хвалили за то, что «уберегла крестницу». Кое-где считали, что в воспитании и обучении крестников молитвам и грамоте «главная обязанность возлагается на крестную мать»¹⁰⁸. Как свидетельство высокой нравственной роли крестной матери в жизни крестников интересно воспоминание одного из жителей Вологодской области. Решив жениться на своей куме (с которой вместе воспринимал ребенка) и зная, что это не положено обычаем, он решил посоветоваться — но не с родителями, а с «божаткой». Та сказала

ему, что на свадьбу не придет, так как такой брак греховен, и свадьба не состоялась¹⁰⁹. Косвенным образом моральная ответственность за крестников проявлялась в различных случаях жизни. Например, при венчании священник должен был выяснить, чиста ли девушка в данный момент (т. е. нет ли у нее месячных очищений), сообщить об этом должна была крестная¹¹⁰.

Рассмотрев особенности бытования кумовства во второй половине XIX — первой четверти XX в., мы можем сделать некоторые выводы. Крестные родители, действительно, как пишет М. О. Косвен, «не являются персонажами исконного народного обычая, а насаждены церковью». Но никак нельзя согласиться с тем, что они «сделались бытовыми явлениями, и все же не народными обычаями»¹¹¹. Возникнув как церковный институт, восприимчивость распространилось и укрепилось в народной среде, «обросло» множеством сопутствующих обычаев и представлений и вошло в народный быт как часть традиционного уклада жизни. И сейчас кумовство, как и весь обряд крещения, воспринимается как национальный обычай, что и является главной причиной его существования в наши дни.

Введение после Октябрьской революции гражданской регистрации взамен церковной, негативная государственная политика в отношении церкви и верующих, а также всех совершавших религиозные обряды, безусловно, нарушили устоявшуюся систему социально-религиозных отношений, связанных с крещением. При полевых обследованиях современного села основное внимание (в рамках предложенной темы) обращалось на сохранность и своеобразие традиций кумовства в наши дни, а также на взаимодействие взглядов и реалий, свойственных культуре данной местности, с новыми советскими обрядами. В настоящее время нет единообразия ни в устойчивости представлений о необходимости кумовства (как и обряда крещения), ни в степени сохранности традиционных элементов. Можно лишь выделить некоторые общие черты современного состояния кумовства. Как по нашим наблюдениям, так и по мнению пожилых людей, в крестные приглашают в основном родственников, в некоторых местах братьев и сестер родителей (для первых детей обязательно). Одна из основных причин этого — нежелание ставить в известность о событии посторонних лиц, боязнь обидеть родственников. Большое значение имеет и сохранившееся отношение к кумовству как к варианту родственных отношений. Крестные родители раньше несли некоторые расходы на крещение и на крестильный обряд, сейчас же наметилась тенденция к увеличению стоимости подарков крестникам (независимо от того, в родственных они отношениях или нет), что весьма обременительно (особенно для молодежи) и порой бывает причиной отказа от приглашения.

Соблюдаются некоторые запреты в выборе крестных, причем молодежь, незнакомая со старыми обычаями и склонная относиться ко многим из них довольно скептически, в данном случае прислушивается к указаниям старших, особенно когда речь идет о возможности негативного влияния на будущее их семьи и потомства.

Из бесед с людьми не только среднего и старшего возраста, но и с молодежью очевидно, что в сохранении кумовства в наши дни большое значение имеет обязательное или желательное участие их в семейных торжествах, прежде всего в свадьбе и проходах в армию. Изучение современной свадьбы в разных областях России показывает, что обязательное участие крестных в свадьбе — один из наиболее устойчивых элементов традиционного обряда. В западно- и южнорусских областях, где собирался основной материал, обычны такие высказывания: «Крестная для порядка на свадьбе у девочки должна быть и на проходах у мальчика. И нет хозяина — то крестный будет за старшего на свадьбе и проходах»¹¹². Сохраняется, получая новое обрядовое выражение, традиционная функция крестных — опека новобрачных. По недавнему, но уже успевшему распространиться в Смоленской области обычаю, ножки табуретки обматывают нитками, и жених должен каждую нитку порвать, говоря при этом ласко-

вые слова жене. Как вспоминает молодая женщина, «мой-то не мог, так его крестная говорила»¹¹³.

При незначительном в некоторых районах проценте крещения институт кумовства сохраняется за счет «условного» кумовства: родители выбирают ребенку крестных родителей, устанавливаются соответствующие отношения и принятые формы обращения, при этом обряд крещения происходит позднее, а иногда и не совершается совсем. Этот обычай, уже отмечавшийся в этнографической литературе, распространен довольно широко, хотя и не повсеместно¹¹⁴. Отношения «условного» кумовства иногда закрепляются обрядами, свойственными традиционному празднованию крестин. Например, в д. Селезни Смоленской обл. после выписки из больницы или в первую годовщину жизни ребенка устраивают обед с «крестильной кашей». Выбранные в восприемники закрывают кашу и собирают с гостей деньги, после чего считаются уже как бы «настоящими крестными, как бы церковными»¹¹⁵.

Участие крестных на свадьбе или при проводах в армию и сейчас часто считается столь обязательным, что в случае отсутствия действительных или «условных» кумовьев для исполнения их функций приглашаются посторонние лица, причем иногда после этого их называют «крестными», соответственно к ним относятся¹¹⁶. Возникают попутно и новые, чисто местные правила дальнейших взаимоотношений, так, например, в д. Селезни Велижского р-на Смоленской обл. считают, что «кто в армию отправляет, кто садится „за крестного“, тот должен быть и на свадьбе, даже если настоящие крестные появятся»¹¹⁷.

Традиционный институт крестных родителей учитывается при разработке сценариев обряда торжественной регистрации новорожденных. Обряд не только фиксирует назначение пары «почетных» («названных», «нареченных») родителей, но и включает обращение к ним с пожеланием принимать участие в воспитании ребенка. Введение в обряд «почетных» родителей безусловно положительный факт, говорящий о стремлении использовать лучшие обычаи прошлого. Как показывают современные полевые исследования, там, где сохраняются обычаи кумовства, на нареченных родителей переносятся некоторые функции крестных, их часто воспринимают как традиционных персонажей (в случае крещения ребенка те же лица становятся восприемниками), они органично входят в обрядовую и повседневную жизнь. И все же создателям новых обрядов и их организаторам следовало бы подумать о необходимости более обстоятельного объяснения молодым людям функций и обязанностей «почетных» родителей как вторых родителей ребенка, смелее говорить о преемственности их от традиционных крестных родителей, обращая внимание на характерные для института кумовства взаимопомощь, участие в воспитании детей, ответственность за их будущее. В сценарии обрядов, которыми отмечаются те или иные события жизни «крестников», необходимо активнее вводить в качестве действующих лиц «почетных» родителей — опекунов и наставников, учитывая как общерусские, так и местные традиции обрядовой роли крестных. Это поднимет общественный престиж «почетных» родителей и повлияет на психологическую готовность молодых людей к исполнению взятой на себя роли.

Примечания

¹ Тульцева Л. А. Религиозные верования и обряды крестьян на рубеже XIX и XX вв. // Сов. этнография. 1978. № 3. С. 31.

² Павлов А. По поводу некоторых недоумений в науке православного церковного права. М., 1981; Горчаков М. О. О тайне супружества. М., 1880; Бердников И. С. Краткий курс церковного права православной церкви. Казань, 1913; и др.

³ Булгаков С. В. Настольная книга для священно-церковно-служителей. Киев, 1913.

⁴ Косаев М. О. Кто такой крестный отец // Сов. этнография, 1963. № 3. С. 95.

⁵ Носова Г. А. Бытовое православие. М., 1969; Тульцева Л. А. Религиозно-бытовые пережитки у русского сельского населения (на материалах Рязанской области). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1970.

⁶ Акты социально-экономической истории северо-западной Руси. Конец XIV — начало XVI в. Т. 1—3 // Картотека древнерусского словаря Ин-та русского языка АН СССР.

⁷ Историки церковного права расходятся в определении времени действия статьи, называя периоды от нескольких лет до двух веков.

⁸ Булгаков С. В. Указ. раб. С. 989.

⁹ Горчаков М. О. Указ. раб. С. 214.

¹⁰ Татищев В. Н. Краткие экономические до деревни следующие записки. (1740-е годы) // Временник Московского общества любителей истории и древностей Российских. Кн. 12. М., 1852. С. 22.

¹¹ Напомним, что неизбежность драматизма отношений Мазепы и его крестницы Марии А. С. Пушкин видел именно в восприятии православным обществом подобных браков как противоестественных. В ужасе восклицает мать Марии:

«Бесстыдный! старец нечестивый!
Возможно ль?... нет, пока мы живы,
Нет! он греха не совершит.
Он, должный быть отцом и другом
Невинной крестницы своей...
Безумец! на закате дней
Он вздумал быть ее супругом.»

(Пушкин А. С. Собр. соч. в 10-ти томах. Т. III. М., 1981. С. 173). Эту же мотивировку безумия Марии, а также ненависти родителей Марии к Мазепе, приведшей к трагическим последствиям, повторяет А. Н. Толстой в рассказе «Наваждение». (См.: Толстой А. Н. Повести и рассказы. М., 1957).

¹² Картотека Псковского областного словаря (далее — КПОС) // Словарный кабинет им. Ларина. Филологический факультет Ленинградского Государственного университета.

¹³ АИЭ. Д. 8303. Л. 45. Смоленская обл., Духовицкий р-н, д. Яковцево. 1982 г.

¹⁴ Там же. Д. 8064. Л. 82. Псковская обл. и р-н, с. Чихачево. 1982 г.

¹⁵ ГМЭ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 802. Л. 32 об. Новгородская губ., Череповецкий у.

¹⁶ Звонков А. П. Современные браки и свадьбы среди крестьян Тамбовской губернии // Известия ОЛИАЭ. Т. IX. 1989. С. 35.

¹⁷ Памятная книжка для духовенства. Пермь, 1896. С. 60.

¹⁸ Большинство корреспондентов не выделяют отдельно отношения между восприимками и родителями крестника и между парой восприимков. Характеризуя в целом отношения между «кумовьями» и связанные с кумовством нравственные нормы как препятствие к браку и интимным отношениям.

¹⁹ ГМЭ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1738. Л. 9. Тульская губ., Одоевский у. 1899 г.

²⁰ Там же. Д. 1465. Л. 43. Рязанская губ., Скопинский у. 1899 г.

²¹ Там же. Д. 1470. Л. 21. С-Петербургская губ., Новоладожский у. 1899 г.

²² Там же. Д. 1388. Л. 10. Пензенская губ., Саранский у. 1899 г.

²³ Косвен М. О. Указ. раб. С. 100.

²⁴ Там же. С. 99.

²⁵ Сахаров И. П. Сказания русского народа о семейной жизни своих предков. Ч. П. 2. СПб., 1837. С. 9. Курсивом выделены слова, приведенные М. О. Косвеном.

²⁶ Сумцов Н. Ф. К истории развития понятий народа о нравственном значении кумовства // Киевская старина. 1889. № 10.

²⁷ ГМЭ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 974. Л. 3. 1898 г.; АИЭ. Д. 8707. Тетр. 2. Л. 56 об. Смоленская обл. и р-н. 1987 г.

²⁸ ГМЭ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1815. Л. 27—28. Ярославская губ., Ростовский у. 1900 г.

²⁹ Косвен М. О. Указ. раб. С. 106.

³⁰ Там же. С. 100.

³¹ ГМЭ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1713. Л. 5. Смоленская губ., Юхновский у., Ольховская вол.; см. также: Д. 1549. Л. 37; Д. 1680. Л. 2. Смоленская губ., Бельский у. 1900 г.

³² Там же. Д. 547. Л. 25. 1899 г.

³³ Там же. Д. 1470. Л. 21. С-Петербургская губ., Новоладожский у. 1900 г.

³⁴ Там же. Д. 1643. Л. 7. Смоленская губ., Поречский у., д. Мамошки. 1900 г.

³⁵ АИЭ. Д. 8303. Л. 119. Смоленская обл., Рославльский р-н, д. Екимовичи, 1982 г.

³⁶ ГМЭ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1660. Л. 25. Смоленская губ., Краснинский у. 1899 г.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. Д. 1680. Л. 20. Смоленская губ. и у., д. Сметанино. 1900 г.

³⁹ Быт крестьян Курской губернии Обоянского уезда // Этнографический сборник. Вып. V. СПб., 1862. С. 19.

⁴⁰ ГМЭ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 948. Л. 4. Орловская губ., Болховский у. 1899 г.

⁴¹ Там же. Д. 840. Л. 17. Новгородская губ. 1899 г.

⁴² Там же. Д. 1578. Л. 21. Смоленская губ., Дорогобужский у., д. Рыбки. 1899 г.

⁴³ Там же. Д. 1411. Л. 7. Псковская губ., Порховский у., д. Пажеревица. 1900 г.

⁴⁴ Например, в некоторых деревнях Дорогобужского уезда Смоленской губернии в день св. Емельяна (8 января ст. ст.) «держатся обычая угощать кума с кумою, чтобы крестники их были здоровыми» (ГМЭ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1579. Л. 11. 1899 г.)

⁴⁵ Там же. Д. 1538. Л. 7. 1900 г.

- ⁴⁶ Там же. Л. 8.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Нужно сказать, что общественное мнение не одобряло выполнение некоторых обрядовых функций «старыми» крестными. Например, по словам наших информаторов, «старые крестные в церковь с невестой не ездили, не принято было». (АИЭ. Д. 8736. Л. 75. Смоленская обл., Дорогобужский р-н, д. Кузино, 1984 г.). В этих случаях крестная могла передать свои функции кому-либо другому. Это суеверие, появившееся, по-видимому, под влиянием представлений о негативной роли старости в продуцирующей магии, роль которой особенно велика на свадьбе, сохраняется местами и до сих пор.
- ⁴⁹ Некоторые функции, по-видимому, перешли к ним вследствие сокращения числа свадебных чинов в конце XIX — начале XX в. Это подтверждает и терминология свадебного обряда. Например, на свадьбе Рославльского р-на первой четверти XX в. крестный отец в разные моменты свадьбы назывался по-разному: «крестный», «дружок», «вечерний». (АИЭ. Д. 8303. Л. 102 об., 103. Смоленская обл., д. Чижовка. 1982 г.).
- ⁵⁰ КПОС. Красногородский р-н, д. Ошево. В требнике записано: «И поставя... священник в главы его (брачующегося) венец. Кум сзади держит венец». Однако этнографическое изучение обряда венчания русских разных областей показывает, что лица, державшие венцы над молодыми, назначались в соответствии с местной традицией и обычно это были не крестные родители.
- ⁵¹ КПОС. Островский р-н, д. Гришманы; Палкинский р-н, д. Петрушино.
- ⁵² ГМЭ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 802. Л. 3 об. Новгородская губ., Череповецкий у. 1899 г.
- ⁵³ КПОС. Островский р-н, д. Троицкая.
- ⁵⁴ АИЭ. Д. 8737. Л. 53. об. Вологодская обл., Тарногский р-н. 1981 г.; Д. 8707. Тетр. 2. Л. 35. Смоленская обл. и р-н, с. Каспля. 1987 г.
- ⁵⁵ Там же. Д. 8064. Тетр. 1. Л. 78. Псковская обл., Великолуцкий р-н, с. Гайдуково. 1982 г.
- ⁵⁶ Там же. Д. 8064. Тетр. 2. Л. 29. Псковская обл., Порховский р-н, д. Вяжица. 1982 г.
- ⁵⁷ ГМЭ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 816. Л. 33. Новгородская губ., Череповецкий у. 1899 г.
- ⁵⁸ АИЭ. Д. 8303. Л. 68 об. Смоленская обл., Духовщинский р-н, д. Братовицы. 1982 г.
- ⁵⁹ Там же. Д. 8064. Тетр. 2. Л. 56. Псковская обл., д. Ровное. 1982 г.
- ⁶⁰ ГМЭ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1628. Л. 3. Смоленская губ., Поречский у. 1899 г.
- ⁶¹ АИЭ. Д. 8303. Л. 5. Смоленская обл., Духовщинский р-н, д. Клестово. 1982 г.
- ⁶² Зеленин Д. К. Описание рукописей ИРГО Вып. 2. 1849. С. 648.
- ⁶³ Рихтер Е. Русское население Западного Причудья. Таллин, 1976. С. 218.
- ⁶⁴ ГМЭ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1470. Л. 5. С-Петербургская губ., Новолодожский у. 1900 г.
- ⁶⁵ Там же. Д. 1660. Л. 1. Смоленская губ., Краснинский у. 1899 г.
- ⁶⁶ Успенский Д. И. Родины и крестины, уход за родильницей и новорожденным // Этногр. обозрение. 1895. № 4. С. 74.
- ⁶⁷ Соболев А. Обряды и обычаи при рождении младенца и колыбельные песни Владимирской губернии // Тр. Владимирского общества любителей естествознания. Вып. 2. Владимир. 1912. С. 49.
- ⁶⁸ Тульцева Л. А. Указ. раб. С. 90.
- ⁶⁹ ГМЭ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1660. Л. 1. 1899 г.
- ⁷⁰ АИЭ. Д. 8303. Л. 124. 1982 г.
- ⁷¹ Там же. Д. 8064. Л. 67. 1982 г.
- ⁷² Бердников И. С. Указ. раб. С. 988.
- ⁷³ Булаков С. В. Указ. раб. С. 994.
- ⁷⁴ АИЭ. Д. 8736. Л. 73 об. Смоленская обл., Дорогобужский р-н, д. Кузино. 1984 г.; Д. 8064. Тетр. 1. Л. 25. Псковская обл., Великолуцкий р-н, д. Захарово. 1982 г.
- ⁷⁵ Там же.
- ⁷⁶ Там же. Д. 8303. Л. 32. Смоленская обл., Духовщинский р-н, д. Булаково. 1982 г.
- ⁷⁷ Булаков С. В. Указ. раб. С. 994.
- ⁷⁸ АИЭ. Д. 8303. Л. 20. Смоленская обл., Краснинский р-н, д. Орловичи. 1982 г.
- ⁷⁹ Там же. Л. 27. д. Красное.
- ⁸⁰ Там же. Л. 30. д. Б. Орловичи; Д. 8707. Тетр. 2. Л. 49 об. Смоленская обл. и р-н, д. Хохлово. 1987 г.
- ⁸¹ Булаков С. В. Указ. раб. С. 994.
- ⁸² ГМЭ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 352. Л. 15. Вологодская губ., Тотемский р-н, д. Братовицы. 1982 г.
- ⁸³ Там же. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1714. Л. 3 об. Смоленская губ.
- ⁸⁴ Зеленин Д. К. Указ. раб. С. 383. Воронежская губ., Бобровский у.
- ⁸⁵ Там же. С. 719. Нижегородская губ., Строгачский у.
- ⁸⁶ Там же. С. 584. Нижегородская губ., Васильский у.; С. 748. Орловская губ., Малоархангельский у.
- ⁸⁷ АГО. Р. 5. Оп. 1. Д. 7. Л. 67. Витебская губ., Себежский у.
- ⁸⁸ АИЭ. Д. 8736. Л. 41. Смоленская обл., Велижский р-н, д. Будница. 1984 г.
- ⁸⁹ ГМЭ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1463. Рязанская губ., Скопинский у. 1898 г.
- ⁹⁰ Добровольский В. Н. Смоленский этнографический сборник. Ч. 2. СПб., 1893. С. 350; ГМЭ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1378. Л. 6, Пензенская губ. и у. 1899 г.
- ⁹¹ АГО. Р. 38. Оп. 1. Д. 19. Л. 6. Смоленская губ.
- ⁹² Булаков С. В. Указ. раб. С. 994.
- ⁹³ АГО. Р. 38. Оп. 1. Д. 19. Л. 6. Смоленская губ.
- ⁹⁴ АИЭ. Д. 8303. Л. 69. Смоленская обл., Духовщинский р-н, д. Братовицы. 1982 г.
- ⁹⁵ Булаков С. В. Указ. раб. С. 987.

- ⁹⁶ ГМЭ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1436. Л. 16. Рязанская губ., Егорьевский у. 1899 г.
- ⁹⁷ АИЭ. Д. 8707 Л. 76 об. Смоленская обл. и р-н, д. Каспля.
- ⁹⁸ ГМЭ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1643. Л. 7. Смоленская губ., Поречский у. 1894 г.
- ⁹⁹ Там же. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1642. Л. 8. 1899 г.
- ¹⁰⁰ АИЭ. Д. 7780. Тетр. 1. Л. 10. Псковская обл., Гдовский р-н, с. Самолва. 1981 г.
- ¹⁰¹ ГМЭ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 840. Л. 17. Новгородская губ., Череповецкий у.
- ¹⁰² Там же. Д. 234. Л. 13. Вятская губ., Орловский у.
- ¹⁰³ Там же. Д. 1496. Л. 6. Саратовская губ., Хвалынский у.; см. также: АИЭ. Д. 8707. Тетр. 2. Л. 58. Смоленский р-н, д. Хохлово. 1987 г.; Д. 8604. Л. 12. об. Псковская обл., Велижский р-н. 1982 г.
- ¹⁰⁴ ГМЭ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 642. Л. 2. Нижегородская губ., Васильсурский у.
- ¹⁰⁵ АГО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 12. Л. 6. Орловская губ. 1880-е гг.
- ¹⁰⁶ *Косвен М. О.* Указ. раб. С. 100.
- ¹⁰⁷ АИЭ. Д. 8303. Тетр. 1. Л. 10. об. Смоленская обл., Духовщинский р-н, д. Клестово. 1982 г.;
- Л. 76. д. Булгаково; Л. 130; Рославльский р-н, д. Чижевка.
- ¹⁰⁸ АГО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 12. Л. 6. 1880-е гг.
- ¹⁰⁹ АИЭ. Д. 8737. Л. 53 об. Вологодская обл., Тарногский р-н.
- ¹¹⁰ Там же. Д. 8064. Тетр. 2. Л. 15. Псковская обл., Порховский р-н, д. Боровичи. 1982 г.
- ¹¹¹ *Косвен М. О.* Указ. раб. С. 99.
- ¹¹² АИЭ. Д. 8736. Л. 35. Смоленская обл., Велижский р-н, д. Будница. 1984.
- ¹¹³ Там же. Л. 64. Смоленская обл., Дорогобужский р-н, д. Кузино. 1984 г.
- ¹¹⁴ Например, в Велижском районе Смоленской области такой порядок установления отношений кумовства существует уже как обычай, в то время как в Дорогобужском р-не (д. Кузино и окрестные деревни) даже не слышали о подобном явлении и считают крестными только тех, кто действительно воспринимал ребенка. Появление условного кумовства характерно для районов, где сохраняются в быту и сознании людей элементы отношений, связанных с крещением, в то время, как сам обряд бывает затруднительно совершить из-за отсутствия церквей.
- ¹¹⁵ АИЭ. Д. 8736. Л. 32 об. Смоленская обл. 1984 г.
- ¹¹⁶ Там же. Д. 8707. Тетр. 1. Л. 32,45 об. Смоленская обл., Глинковский р-н, д. Балтутино. 1987 г.
- ¹¹⁷ Там же.

© 1991 г.

М. О. Османов

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНЫХ ТИПОВ

В свое время советские ученые С. П. Толстов, М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров создали концепцию хозяйственно-культурных типов (ХКТ). Теория содержала много возможностей для создания научной картины генезиса и развития хозяйственно-культурных форм мира, отдельных регионов, областей, народов. Однако, как мне кажется, концепция эта не заняла в этнографической науке подобающего ей места. Я далек от мысли «улучшать» или развить положение о ХКТ, претендовать на какие-то находки или открытия, просто считаю полезным привлечь внимание научной общественности к некоторым вопросам, и в частности к конкретным, «местным» ХКТ.

Следует сказать, что изучение традиционно-бытовой культуры — предметной области этнографии¹ — только на уровне этносов дает дробную картину развития человеческой культуры, затрудняет понимание сходных явлений в культуре разных этносов, общих закономерностей развития культуры. Ю. В. Бромлей справедливо указывал на большое значение концепций ХКТ для понимания «общего» и «особенного» (местного) в развитии культуры², а Я. В. Чеснов характеризует ХКТ «как категорию, вскрывающую механизм возникновения разнообразия культуры народов»³.

И все же концепция ХКТ, как представляется, недостаточно «задействована» в советской этнографии. Не получила дальнейшего развития теория